

Русофобия как способ легитимации мизантропии и шаг к посттолерантности

Russophobia as a Way of Legitimizing Misanthropy and a Step to Posttolerance

Лазарев А.И.

руководитель историко-филологического Фонда им. А.А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Head of the Historical and Philological Khovansky Foundation
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме манипулятивной эскалации русофобии как разновидности ксенофобии и мизантропии. При этом русофобия представлена как сконструированная политическая идеология, ставшая антиподом толерантности в результате отказа от фундаментальных европейских гуманитарных ценностей.

Ключевые слова: русофобия, ксенофобия, филантропия, мизантропия, гуманизм и христианство, манипуляции общественным сознанием, толерантность и посттолерантность.

Abstract.

The article discusses the problem of the manipulative spread of Russophobia as a kind of xenophobia and misanthropy. Russophobia is presented as a constructed political ideology that has become the antipode of tolerance due to rejection of fundamental European humanitarian values.

Keywords: Russophobia, xenophobia, philanthropy, misanthropy, humanism and Christianity, manipulation of public consciousness, tolerance and posttolerance.

*Русофоб – это тот, у кого не хватило куража стать антисемитом.
А. Давидович*

Тезис о том, что русофобия – это только разновидность ксенофобии кажется практически неоспоримым, поэтому, чтобы выяснить основания русофобии, целесообразно хотя бы в общих чертах представлять себе истоки собственно ксенофобии – явления хорошо известного в межкультурной коммуникации.

Проблемы ксенофобии в последние годы неоднократно привлекали исследовательское внимание, так что в её изучении сложились различные подходы. На начальных этапах изучение ксенофобии заключалось в классификации фобий как природных инстинктов (явления иррационального) – в психологической области знания, в дальнейшем ксенофобия стала рассматриваться как социальный феномен – в рамках социологии и политологии [9].

Различия в подходах обусловили и расхождения в дефинициях. Одни исследователи представляют ксенофобию как «негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе (но прикрываемое псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям – «чужакам», «иным», «не нашим» [2]. Другие видят в ксенофобии основанное на когнитивном опыте «социально-психологическое явление, при котором образ врага во многом создается воображением» [8] или моделируется.

При разнице в подходах специалисты так или иначе рисуют общую схему представлений о предпосылках и сущности ксенофобии, отмечая не только её биологическую и психическую природу, но и вместе с тем представляя её как результат влияния социума на человека, обращая внимание в частности на зависимость ксенофобии от политической конъюнктуры. По мнению немецкого политического философа Карла Шмитта, деление на «своих» и «чужих» присуще человечеству *a priori*, и уже там, где начинается это деление, возникает политика [10]; тогда как российский этолог Владимир Фридман склонен видеть в ксенофобии порождение не биологической, а политической и социальной среды [7].

В ходе ряда научных экспериментов немецкий социолог Клаус Валь сделал вывод о том, что в основе ксенофобии лежит мизантропия (*μῖσος* «ненависть» + *ἄνθρωπος* «человек»), т.е. негативные чувства в отношении людей вообще [12]. Эммануил Кант различал два способа проявления мизантропии – нелюдимость и враждебность к людям: «Нелюдимый человек боится людей, в которых видит врагов; враждебен к людям тот, кто сам является врагом других» [11]. Лев Толстой (художественно) описывал это явление так: «Мы не любим людей не потому, что они злы, а мы считаем их злыми потому, что не любим их».

В этом обширном исследовательском спектре специалисты различают инстинктивную ксенофобию и ксенофобию-идею [5].

Считается, что инстинктивная ксенофобия в той или иной мере присуща любому обществу и возникает из «тёмной стороны» человеческой души – зависти, злости, агрессивности, кровожадности и иных самых низменных природных чувств. Поскольку, в отличие от большинства приматов, люди суть существа плотоядные, хищничество (в том числе и внутривидовое) следует полагать для человека естественным и характерным инстинктом. В замечательном романе «Странник по звёздам» Джек Лондон так описывал истоки этого инстинкта, называя его *багровой яростью* – роковым, губительным наследием, выпавшим на долю человечества ещё во времена покрытых слизью существ, когда наш мир только создавался: «О, конечно, эта багровая ярость возникла гораздо раньше того времени, когда был зачат младенец... Эта древняя багровая ярость гораздо старше моей матери, гораздо старше самой первой матери человеческой. Задолго до первого человека уже были трусость и бесстрашие, гнев и ненависть – все те чувства, которые росли, развивались и складывались в то, что потом стало человеком». Следуя мысли писателя, (метафорически) можно назвать эти инстинкты надревнейшими и наустойчивейшими вирусами, или штаммами, кровожадного естества, паразитирующими на «априорном гуманизме».

Латентная ксенофобия представляется относительно безобидным явлением и становится социальной проблемой только тогда, когда обретает агрессивные формы и деструктивно проявляется в разного рода коммуникационных актах. Существует мнение, что рассматривая психологический аспект проблемы, ксенофобию следует понимать именно как реакцию на фобию, т.е. на страх, растормаживающий подсознательные реакции, страх иррациональный и оттого не имеющий обоснования и направления. Социопсихологи считают, что в основе ксенофобии лежит триада – *гнев, отвращение, презрение*. Эти эмоции образуют несложный поведенческий комплекс, обусловленный личностным и коллективным уровнем тревожности и агрессии. На коллективном уровне тревога выливается в «поиск виноватых» [6]. Облик «другого» фокусирует на себе чувства ненависти, страха, превосходства и направляет их по цели – людям иной национальности [7]. На тех же основаниях, на каких образуется товарный фетишизм [4], способен доводить людей до состояния крайнего нервного расстройства, в фетиш обращается и само человеконенавистничество.

На природную мизантропию могут накладываться исторически обусловленные формы этнического антагонизма, способные проявляться не только в виде фобий, а в виде рефлексии на них – вспышками неприязни, спорами и мифологизированием истории взаимоотношений. Нередко фобия выполняет защитную функцию, так, страх смерти заставляет человека заботиться о самосохранении. В подобных случаях мизантропия может быть представлена как неконтролируемая рефлексия на иррациональные страхи. Борясь с фобиями, психика начинает вытеснять причину дискомфорта на вербальный уровень, в результате чего появляется словесно

выраженное чувство постоянной неприязни, которое человек старается обосновать логическими доводами. Именно здесь и возникает «язык ненависти» (*hatelanguage*). Становясь в определенных ситуациях частью политических технологий, «язык ненависти» проникает в политический язык и обретает повседневную бытовую практику [6].

Разумеется, мизантропия имеет более изощренные формы, чем вульгарная ксенофобия. Массовая ненависть к еретикам, поиск ведьм; толпы людей, стоящие у костров аутодафе – это тот же массовый психоз, имеющий теоретическое обоснование. Примерно такими же образами прикрывалась мизантропия с обеих сторон в конфликте между католиками и протестантами, а также в отношениях ортодоксов с разного рода раскольниками и т.п. Мизантропия имеет неисчислимое количество разнообразных масок, и ксенофобия – это только одна из известных её разновидностей, имеющая собственные подвиды. В современном обществе ксенофобия представляет собой гибридное понятие и является симбиозом негативных настроений, направленных на представителей различных групп. Объект ксенофобских настроений меняется в зависимости от конкретных исторических условий [10].

О формах проявлений мизантропии в самом христианстве говорят святые отцы, имея в виду и фарисейство, когда формализм служит средством для подмены человеколюбия (*филиантропии*)¹ человеконенавистничеством (*мизантропией*) уже внутри отдельной конфессии. В постные дни пастыри с горькой иронией увещивают своих духовных овец: «Лучше скромное ешьте, чем друг друга!», имея в виду метафорическое (энергетическое) людоедство. Проповедники назидательно призывают к неприязни грехов человеческих, но предостерегают от ненависти к их обладателям: «Людей нужно любить, а к греху – быть беспощадным» (Митрополит Онуфрий). Подобные заповеди, вложенные в уста старца Зосимы, выражают духовный промысел и культурное ядро не только романа Федора Достоевского, но и, пожалуй, вообще всей русской классической литературы, имеющей духовные истоки: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле». По настойчивости подобных увещиваний видно, что христиане регулярно и упорно пытаются скрывать природную мизантропию под видом неприязни к грехам, реализуя на практике неприязнь к людям.

Некоторые исследователи склонны видеть в мизантропии не только слепую природную неприязнь, но и выделяют в ней когнитивную составляющую, когда неприязнь к человечеству основана на негативном суждении о людях. В подобном духе о её истоках высказывался Сократ: «Мизантропия развивается тогда, когда человек без искусства полностью доверяет тому, кого считает абсолютно верным и надежным, а затем обнаруживает, что тот плохой и ненадежный ... и когда это случается с кем-то часто... он кончает ... ненавистью ко всем» (Федон). Условно говоря, мизантропия здесь достигает другого уровня и образуется уже в связи с приобретенным социальным опытом.

Таким образом, мизантропия как негативная черта человечества в целом, основанная на его собственных пороках и недостатках, обретает свои истоки в страхах «тёмной части» человеческой природы, тогда как основанием мизантропии иного уровня, служит социальный опыт, подтверждающий идею о том, что люди того заслуживают. Подобным же образом формулируются и два основных объяснения происхождения ксенофобии – спонтанными реакциями сознания на социальные процессы и внушенными идеями.

Разумеется, несмотря на главенствующую иррациональную составляющую, массовая ксенофобия часто нуждается в рациональном, логическом обосновании (хотя оно и вторично). Заинтересованные манипуляторы подводят под инстинкт массового психоза идеологическую базу, объясняя, почему правильно то, что мы ненавидим других, что наши чувства отнюдь не плохи, а вызваны благородными попытками противостоять внешним и внутренним врагам [6]. Таким образом, ксенофобия обретает respectable вид, легализуется и избегает общественного осуждения.

Идейная форма ксенофобии связана с выходом эмоций на уровень идеи. В отличие от инстинктивной ксенофобии она не социальный рефлекс, а именно политическая идея. Обратившись к роли идей в превращении психологического инстинкта в идейную

ксенофобию, можно заметить, что одна из глубоко укорененных идей, оформляющих ксенофобию, состоит в понимании чужого как «дикаря» и «варвара». При этом выстраивается некая аксиоматика, в которой противопоставлены «культурные», «хорошие» народы и народы «дикие», «некультурные». Принадлежность к «дикому», «некультурному» есть существенный недостаток. Он может и должен быть исправлен во имя «прогресса». Причем в само понятие «прогресса» входит представление о существовании одной единственной парадигмы развития общества и культуры [5].

Как видно, ксенофобия может быть обусловлена не только природной мизантропией, но и культивированными причинами. Ряд исследователей обнаруживает социально-экономические и политические основания [1], когда ксенофобия культивируется и принимает форму социальной или политической идеи, обретающей особую популярность в периоды тех или иных кризисов и социальных потрясений. Характерно, что идейная форма ксенофобии неразрывно связана с политической властью. Обладая ресурсами, в том числе и информационными, власть играет самую важную роль как в борьбе с ксенофобскими настроениями, так и в поощрении их распространения в зависимости от политической конъюнктуры: ксенофобия либо корректируется усилиями государства и редуцируется, либо стимулируется и тем самым эскалируется [5]. Некоторые исследователи склонны рассматривать всплески ксенофобии как результат «политической мобилизации» – манипуляции массовым сознанием.

В результате подобных манипуляций создаются благоприятные условия для оправдания природной мизантропии, скрываемой под той или иной разновидностью ксенофобии (*иранофобии, чайнофобии, англо-саксофобии* и т.п.). В политике ксенофобия вполне сознательно используется как механизм, регулирующий государственную жизнь. Здесь уместно вспомнить одно из известных определений идеологии как «ложного сознания» [4]. В таком случае ксенофобия представляет собою мнимый образ социальной реальности, не соответствующий последней, а лишь выдаваемый за действительность апологетами политической власти [3]. Собственно на манипуляции инстинктами и конструируются политические игры. Для перевода ксенофобии в стадию идеологии, как правило, необходимо интенсивное внешнее воздействие, в результате которого массы, обладая соответствующими природными инстинктами, с легкостью находят выход для своих низменных чувств в легитимной и респектабельной форме.

На практике необходимо только добавить к «штаммам» мизантропии специфические элементы той или иной разновидности ксенофобии, и вирус начнёт прогрессировать с необычайной поразительностью. Это сейчас можно наблюдать на примере русофобии, культивированной на Подольской возвышенности и получившей поддержку в определенных политических кругах. Резко обострившаяся в текущих политических условиях русофобия представляется смоделированным идеологическим вирусом, инициирующим такие глобальные политические и экономические проблемы, от которых ущерб даже больше, чем от ковида. При активной поддержке «инвесторов» идеологический вирус русофобии отметился попытками выйти далеко за европейские просторы и достичь глобального масштаба, т.е. приобрести все типологические черты пандемии. Этот идеологический вирус оказался гораздо более вредоносным для мировой цивилизации, чем естественные и искусственные биологические вирусы, разрабатываемые в профильных лабораториях. С грустной иронией можно заметить, что в текущей ситуации производство вирусов биологических представляется не таким потенциально опасным, как параллельно моделируемый вирус идеологический, потому что, похоже, от этого идеологического вируса пострадали и сами «инвесторы».

В силу своей тяжкой природной наследственности, никакая ксенофобия не может быть признана за гуманитарную норму в межкультурной коммуникации и быть предметом проповеди в цивилизованном мире, не может стать желаемой целью гуманитарного развития. Наоборот, всякая ксенофобия должна быть признана за порок, требующий корректировки, или (метафорически) – за идеологический вирус, нуждающийся в соответствующей терапии.

Поскольку натуральная ксенофобия есть часть весьма архаических инстинктов, правильным способом её коррекции следует считать соответствующую культурную рефлексию. В новейшей

истории негативные стороны ксенофобии корректируются с помощью такой идеологической конструкции, как толерантность (исторически возникла гораздо позже ксенофобии, так что можно утверждать, что ксенофобское мироощущение является первичным [6]). По существу, толерантность и ксенофобия представляют собой антагонистические рефлексии: одна – культурная, другая – не вполне.

Мизантропию (явление природное) и основанную на ней ксенофобию (явление социальное) можно признать отличительными и характерными чертами человеческой натуры, но никак не целями и позитивными достижениями культуры. По своей «дикий природе» людям свойственно скорее проявлять мизантропию и ксенофобию, чем филантропию и ксенофилию. Будь иначе, не было бы необходимости в крестном назидании главной заповеди Нового Завета: «Да любите друг друга!». К сожалению, несмотря на цивилизационный прогресс, люди так и не овладели компетенцией отделять неприятные и неприемлемые для них мнения от их обладателей. В XIX в. на это обращал внимание русский педагог Юлий Рехневский, замечая, что: «Мы еще не научились относиться с уважением к личности людей, мнения которых не разделяем».

Как видно, с тех пор мало что изменилось в лучшую сторону. В противном случае распространенным явлением было обратное: можно было бы видеть, насколько доброжелательно люди относятся к тем персонам, с кем не согласны во мнениях. Однако ничего подобного практически не наблюдается даже в высокой политике. Расхождение во взглядах, как правило, служит причиной личной неприязни и основанием для вражды. Так в политике реализуется природная мизантропия, и именно на различии в политических взглядах строится схема «свой-чужой», что, в свою очередь, обуславливает возникновение той или иной разновидности ксенофобии.

В отличие от ксенофобии как порождения самых низменных инстинктов и чувств, свойственных природной мизантропии, толерантность стала достоянием общественной мысли в связи с творчеством известных просветителей и мыслителей и, как следствие, вызывает к логике, т.е., прежде всего, к *миропониманию* и лишь потом – к *мироощущению*. Некая «точка» всего этого, (разумеется, относительная, но сыгравшая огромную роль в развитии толерантного мировоззрения) – «Декларация независимости» США от 4 июля 1776 г., написанная рукой Томаса Джефферсона. Она является одним из значительнейших политических документов, обосновывающих принцип толерантности: «Мы считаем за очевидные истины, что все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права, в числе которых находятся – жизнь, свобода и право на счастье». В последние годы в демократических обществах идея толерантности считалась «плоть от плоти» частью государственной политики, ею был пронизан весь воспитательный процесс – от школ до проповеди в церкви. Кажется (разумеется, вопрос достаточно дискуссионный), что толерантность исполняла роль *как бы* «национальной идеи» в современных демократических обществах [6].

В культурологическом отношении толерантность можно представить как компромисс между мизантропией и филантропией, ксенофобией и ксенофилией. Поскольку адепты христианства оказались неспособными в быту относиться к иноверцам и инородцам так, как того требует человеколюбивое учение Спасителя, толерантность стала культурным достижением Просвещения и затмила собой евангельскую филантропию в её этимологическом понимании [*]. Пожалуй, главное отличие христианской любви от толерантности состоит в том, что последняя не требует *филли* к «другому», а только лишь «терпеливого уважения». Весь пафос гуманистического воззвания можно выразить следующим образом: если не можете следовать главной Новозаветной заповеди, так хотя бы «Терпите друг друга!»

К сожалению, природную мизантропию не удастся изживать ни посредством Благовестия, ни с помощью гуманизма. История показывает, что у гуманитарной культуры пока не получается культивировать ни филантропию из мизантропии, ни толерантность из ксенофобии. И как только у коллективного сознания появляется возможность для легализации мизантропии в форме той или иной разновидности ксенофобии, оно тут же спешит ей воспользоваться с целью самооправдания.

В отличие от агрессивности, свойственной человеческой натуре, гуманитарной культуре характерна сдержанность в выражении дикой сущности *авангарда отряда приматов*. Именно в способности контроля чувств и эмоций в коммуникации и заключается основной смысл противопоставления *натуры и культуры*. В семиотическом отношении на антитезу природы и культуры обращал внимание Ю.М. Лотман, подразумевая врожденные природные и приобретенные в процессе цивилизации качества. Способность личности контролировать «дикую натуру» и управлять ей – это и есть культура толерантности. Но если толерантность можно признать гуманитарным достижением, то эскалация той или иной разновидности ксенофобии свидетельствует о деградации, приближающей к примитивной дикости.

По большому счету на идее толерантности продолжительное время строилась политика мультикультурализма, потерпевшая, по словам Ангелы Меркель, крах в европейском мире. Представляется, что мультикультурализм утратил свою жизнеспособность именно ввиду бессилия толерантности, потому что его главная экзистенциальная проблема заключается в *качестве взаимодействия* между элементами мультикультурной системы, а толерантность оказалась «недееспособным» коммуникационным концептом. Для жизнеспособности мультикультурализма необходима иная коммуникационная техника: не просто «уважительное терпение», а «конструктивное взаимодействие» или «интеркультурное сотрудничество». В духе заветов эту идею можно выразить следующей фразой: «Да творите друг с другом!».

Именно в связи с крахом мультикультурализма на «коллективном Западе» образовался идеологический вакуум, который тут же поспешила заполнить мизантропия в форме русофобии. Так в новейшее время русофобия стала *как бы* консолидирующей идеей, напроць подменив собою толерантность. В связи с русофобией Европейский мир практически утратил даже саму идею о толерантности и таким образом отрекся от основ своей культуры, имеющей, заметим, два ключевых источника – Благовестие и классический гуманизм.

Важнейшую роль в регуляции различных ксенофобий играют политические силы, обладающие ресурсами как для поощрения распространения ксенофобских настроений, так и для борьбы с подобным явлением [9]. Эскалация русофобии служит самым красноречивым примером того, как бурно расцветает ксенофобия, получая поддержку властных политических структур. Ведь если бы политические деятели имели намерение корректировать русофобию, в частности с помощью идеи толерантности, это было бы явно выражено в политических, гражданских и культурных актах. Однако наблюдаемые в текущий момент акты свидетельствуют, что политическая воля «коллективного Запада» совершенно игнорирует толерантность как фундаментальный принцип межкультурной коммуникации.

Отстранение российских инвалидов от участия в параолимпийских Играх, исключение из программ других спортивных и культурных мероприятий, сносы памятников, призывы к повсеместному убийству, объявление «русского мира» «раковой опухолью Европы» и тому подобные казусы суть самые очевидные свидетельства подмены толерантности на ксенофобию, а конкретно – на русофобию. По существу это нарушение гуманитарных норм «Декларации независимости»; хотя, похоже, для ксенофобии Декларации не писаны.

На фоне восприятия толерантности в роли декларативного экзистенциального принципа «коллективного Запада» запреты на использование русского языка и ограничение прав русскоязычного населения в некоторых государствах ЕС также выглядят как неприкрытая ксенофобия. Проявления русофобии сами собой демонстрируют, как в действительности с понятиями «политкорректность» и «толерантность» происходит некая «социальная аберрация», а сами понятия становятся попросту симулякрами идеологии [6].

В настоящее время русофобия представляет собой способ легитимации мизантропии и выступает как политический конструкт, исполняющий роль консолидирующей панъевропейской идеи. Европа долго и терпеливо сдерживалась от проявления ксенофобии к беженцам из своих бывших колоний и других проблемных регионов мира. Однако, как показывает исторический опыт, долгое терпение в коммуникации далеко не всегда обращается в толерантность, а «на своем пределе» порождает именно ксенофобию. Так и русофобия на определенном историческом этапе

только определила вектор для *вымещения* мизантропии после продолжительного периода сублимации.

Идея о том, что европейскую цивилизацию может спасти ненависть к русским, стала оперативным инструментом для манипуляции панъевропейским сознанием. Заинтересованными лицами предпринимаются попытки представить русофобию в качестве объединительной идеи для «коллективного Запада» и подменить ею толерантность, долгие годы выступающую как бы основанием для европейской консолидации. Характерно, что главным производителем русофобии стали Польша, страны Балтии и Западная Украина, где агрессивный национализм, читай «ксенофобия», имеет прочные корни, о чём свидетельствуют продолжающиеся даже в XXI в. факельные шествия и марши эсэсовцев, с молчаливого одобрения внутренних и внешних правящих политических кругов. Для примера заметим, что именно в этом пространстве возникла одиозная идеология *Misanthropic Division*, представляющая собой синтез германского (скандинавского) неоязычества, славянского неоязычества и неонацистской идеологии.

По большому счёту русофобия – довольно вульгарное проявление ксенофобии и мизантропии, даже несмотря на то что по некоторым оценкам превосходит антисемитизм (в годы его расцвета в 30-х годах XX в.) – также одну из острых форм ксенофобии, читай «природной мизантропии». Но в отличие от естественной мизантропии русофобия как частный случай ксенофобии – это не только инстинктивный, но и в значительной мере смоделированный и культивированный на почве первой идеологический концепт. В русофобии манипулятивно соединилась природная мизантропия и идейно оформленная ксенофобия. А при умелой манипуляции некоторые идеи выглядят страшнее инстинктов (особенно, когда в основе этих идей лежат самые натуральные инстинкты).

Итак, за источники русофобии следует признать, во-первых, природную мизантропию, а во-вторых – культивированную ксенофобию как манипулятивный идеологический инструмент в руках известных политических деятелей.

В заключение можно сделать вывод, подтверждающий тезис: русофобия – это частный случай ксенофобии и мизантропии – одно из последствий краха мультикультурализма и антипод толерантности. По сути, это отказ от двух основных источников европейской культуры: это не только апокалиптическое антихристианство, но и явный антигуманизм.

Русофобия как частный случай отказа от толерантности и обращение к ксенофобии компрометирует европейскую цивилизацию в глазах всего многокультурного мира. Не человеколюбие и толерантность, а именно ксенофобия, в каких бы формах ни преподносили обществу её идеологи, губительна для европейской культуры. На этот нездоровый коммуникативный комплекс нужно адекватно реагировать: осознавать его и обсуждать, высмеивать и культурно «обыгрывать».

С горькой иронией приходится констатировать, что русофобия, став вершиной европейского идеологического развития, обратила её саму в мировое гуманитарное дно. Европа лишилась своих фундаментальных достоинств, не обретя взамен никаких новых, а их место заняла вульгарная ксенофобия. Ибо вместо толерантности можно предложить только ксенофобию, вместо эмпатии – жестокость, вместо человеколюбия – человеконенавистничество. Подмена толерантности на неприемлемую для европейского гуманизма ксенофобию привела к разбалансировке механизма взаимодействия народов. В настоящее время в связи с оголтелой русофобией «Европейская цивилизация» оказалась перед выбором – либо отказаться от русофобии, либо деконструировать саму себя. Русофобская истерия – это по существу плач о почившей в безбожии толерантности и явное свидетельство того, что «коллективный Запад» вступил в эпоху посттолерантности.

Литература

1. *Гурина О.Д., Дозорцева Е.Г.* Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2012. – Т. 4. – № 2. (Дата посещения: 22.02.2022)
2. *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. – Москва, 2007. – 52 с.
3. *Манхейм К.* Идеология и утопия / Диагноз нашего времени. – Москва, 1994. – С. 98-212.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. собр соч.: в 46 т. – Т. 3. – Москва, 1955. – 346 с.
5. *Муравьев А.В.* Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. – 2004. – № 4 (18). – С. 279-287.
6. *Скрынник В.Н.* Толерантность и ксенофобия. Смысл и реальность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – № 1. – С. 26-34.
7. *Фридман В.* Национализм и ксенофобия: социальные причины и психологическая основа явления выбора [Эл. ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_1594.html (Дата посещения: 22.02.2022)
8. *Хабенская Е.О.* Ксенофобия, национализм, расизм в реальном и виртуальном пространствах [Эл. ресурс] // URL:http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/%20Ксенофобия%20национализм%20расизм.pdf (22.02.2022)
9. *Хакимова С.В.* Теоретические подходы к изучению явления ксенофобии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-3 (61). – С. 189-191.
10. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 35-67.
11. *Кант Э.* Лекции по этике. – Москва, 2000. – С. 190.
12. *Wahl K.* Development of xenophobia and aggression // International Journal and Applied Criminal Justice. 2002. V. 26. № 2. s. 3.

ⁱ Любопытно, что само понятие филантропия со временем потеряло в европейских языках исходное содержание и означает теперь благотворительность, или меценатство, в том смысле, что человеколюбие проявляется в конкретных жертвенных актах, реализуемых людьми в денежно-вещевом выражении или в благотворительном волонтерстве и выступающих зримым доказательством бытия филантропии.